

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 281.93

Н. И. Сазонова

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ РЕФОРМА ПАТРИАРХА НИКОНА (1654–1666 ГГ.): ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ НИКОНОВСКОЙ СПРАВЫ ТРЕБНИКА И ЧАСОСЛОВА)

Рассматривается литургическая реформа патриарха Никона в ее теологическом аспекте. Исследуются особенности взаимодействия богослужебного текста и человека и формирование текстом фундаментальных основ религиозного сознания, связанных с представлением о Божестве.

Ключевые слова: православие, литургическая реформа патриарха Никона, богослужебные тексты, теология.

Литургическая реформа патриарха Никона (1654–1666 гг.), с одной стороны, многие годы привлекает внимание исследователей и имеет обширную историографию, с другой стороны, в ряде ее аспектов по-прежнему остается малоизученной областью. Несмотря на высокую степень изученности как событийной стороны событий, приведших к расколу, так и аспектов личности патриарха Никона, в особенности в последние годы [1], к числу слабо исследованных аспектов реформы принадлежит «исправление» богослужебных книг, проведенное патриархом Никоном и вызвавшее сначала ожесточенную внутрицерковную полемику, а затем и церковный раскол. Особенно важным представляется смысловой анализ внесенных в богослужебные тексты изменений: именно такой анализ, как представляется, может помочь в разрешении вопроса о возможном влиянии литургической реформы на религиозное сознание и культуру. Актуальное в настоящее время в гуманитарных исследованиях обращение к точке зрения участников исторических событий для понимания их причин задает и направление такого анализа: как известно, общей точкой зрения старообрядческих полемистов было мнение о введении «новой веры» и, следовательно, о догматической направленности никоновской «справы». Понять, в какой мере эти тезисы полемистов являются справедливыми, может помочь сравнительный анализ богослужебных текстов, изданных до и в период реформы. При проведении такого анализа следует учитывать роль и значение богослужебного текста в православном религиозном сознании в целом и в сознании современников реформы в частности.

Богослужебный текст и религиозное сознание

Особенностью православного религиозного сознания является доминирующий в нем способ постижения и понимания религиозных истин – мо-

литва. По мнению большинства историков и богословов, например Г. В. Флоровского, М. Э. Поснова, В. Н. Лосского и других авторов, такой способ диалога с Божественным был характерен для православия на всем протяжении его истории [2–6]: в основе богопознания христиан всегда лежала вера и молитва, представление о догматах христианства мыслилось как дар Бога, а это представление человек получает из сакрального текста, в том числе и из текста богослужения. Особым было отношение к богослужебному тексту в России: если в Византии христианское богослужение формируется на основе харизматического богообщения (первоначально – апостолов и Христа), и затем, по мере удаления во времени от евангельских событий, формируется богослужебный чин [7, 8], то на Руси формирование христианского сознания на Руси имело свою специфику.

Общеизвестен рассказ летописца о выборе веры, согласно которому князь Владимир Святой по разным соображениям отвергает иудаизм, ислам, западное христианство и делает окончательный выбор в пользу православия после того, как его послы рассказывают, как они сами побывали на богослужении в Великой церкви святой Софии в Константинополе [9, с. 186]. Несмотря на то, что историчность самого эпизода с выбором веры исследователями подвергается сомнению [10], сам он чрезвычайно показателен, так как в нем содержится и образ принятия христианства, и основной канал его трансляции: собственно христианский культ. Таким образом, если источником христианского сознания в Византии является религиозный опыт (начиная с опыта личного общения апостолов с Христом), оформлением которого является культ, то на Руси этот религиозный опыт получается человеком через вхождение в пространство культа, т. е. не предшествует культу, а обуславливается им.

Естественно в таком случае ожидать и иного, нежели в Византии, отношения к самому культу, что выражается, в частности, в ведущей роли богослужения в религиозной жизни. Малый Катехизис, изданный в середине XVII в., предельно четко определяет эту роль: «Вопрос. Много ли есть церковных заповедей? Ответ. Аще их есть и немало, но главнейших есть девять: первое на всякий день по обычаю христианскому, подобающее благочестие, еже любослушати пения в церкви, или самому отправить усердне якоже се, утреню часы, вечерню, и павечерню. А где случится быти и святей литургии, то и болшее слушати, наипаче же во дни праздничныя, и неделныя. В онь же егда святыя литургии христианин не слушает, здрав сый и не в пути, наипаче же егда церковь близу есть, смертно согрешает» [11, л. 12]. Очевидно, что посещение богослужения и «непрестанная молитва» признается одной из главнейших обязанностей христианина. Следовательно, и любое изменение богослужения вызывает подозрения касательно его содержательной, в том числе и важнейшей – теологической – составляющей.

Вопрос этот тем более должен быть рассмотрен в отношении литургической реформы патриарха Никона, что эта реформа является самой масштабной за всю историю Русской церкви, затрагивая все богослужебные тексты без исключения (Служебника, Требника, Часослова, Октоиха, Триодей и других). «Исправление» большинства из них все еще остается неизученной областью, лишь в последние годы появляются работы, касающиеся «справы» Требника, Часослова, Богослужебных Миней, Типикона [12–14], однако исследование sprawy в целом все еще далеко от завершения. Вместе с тем предварительные выводы о характере изменений в области религиозных представлений могут делаться и по результатам анализа отдельных богослужебных книг в том случае, если они отвечают критериям репрезентативности, среди которых – значимость для религиозного сознания и количество изменений, внесенных в текст, достаточное для выводов о направленности изменений. К числу богослужебных книг, отвечающих приведенным критериям, принадлежат Требник и Часослов. Репрезентативность Требника и Часослова определяется значением этих богослужебных книг для формирования религиозного сознания. Значение Требника определяется его тесной связью с повседневной жизнью верующих: он содержит последования совершения основных таинств церкви, основные чины и молитвы, совершаемые священником по просьбе прихожан. Весь суточный круг богослужения, кроме литургии, содержится в Часослове, что также объясняет его широкое распространение. Существенным является и количество внесенных

в них изменений (в общей сложности около 3000). Все это позволяет говорить о достаточной репрезентативности выводов, касающихся направленности трансформации религиозного сознания, которые могут быть сделаны на основе анализа Требника и Часослова. Однако сказанное не отменяет необходимости дальнейшего изучения других богослужебных текстов.

Никоновская реформа и теологические представления

Одним из основных аргументов старообрядцев в полемике был тезис о еретическом характере реформы, касавшейся, по их мнению, в первую очередь теологии. Однако изменения, затрагивающие непосредственно понимание свойств Божества, в богослужебных текстах сравнительно немногочисленны. Например, в достаточно объемном (до 500 л.) тексте Требника их всего 14, еще меньше изменений такого рода в тексте Часослова, где такие изменения единичны [14, с. 81–85]. Но, несмотря на малочисленность, некоторые из них привлекли особое внимание оппонентов патриарха Никона. К изменениям, вызвавшим наиболее эмоциональную реакцию противников реформы, относятся прежде всего замены в Символе Веры (в Требнике, в частности, Символ Веры читается во время таинства Крещения). Среди них есть и касающееся интересующего нас вопроса – понимания ипостасей Божества. Так, в Символе Веры слова «и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящего» заменены на «и в Духа Святаго, Господа животворящего» [15, л. 97; 16, л. 111; 17, с. 33]. В данном случае реформаторы удалили из определений Бога слово «истинный», означавшее здесь одно из свойств Св. Духа. С этим изменением сопоставимо вызвавшее возражения оппонентов патриарха изменение в тексте молитвы Св. Духу (эта молитва – неотъемлемая часть каждого богослужения): слова «Царю Небесный, Утешителю, Душе истинный» повсеместно во всех богослужебных текстах заменены на «Душе истины». Подобные же изменения произведены не только в молитве Святому Духу, но и в ряде других молитв [15, л. 244, 274–275; 17, с. 264–266]. Если в дониконовской редакции как Символа Веры, так и молитвы Св. Духу речь идет о свойстве Св. Духа как одной из ипостасей Св. Троицы, то в никоновской редакции подчеркивается единство Божества, как самой Истины. Возражения противников реформы наиболее емко высказывает свящ. Никита Добрынин: «От Пресвятаго Духа господственнаго истинства не смеем отложить» [18, с. 59]: полемист, как видим, сосредоточен на необходимости подчеркнуть истинность как свойство этой Ипостаси Св. Троицы и не воспринимает «истину» как абстрактное понятие, приложимое к Божеству вообще.

Между тем именно отход от сосредоточенности на свойствах отдельных ипостасей Св. Троицы является одной из тенденций реформы. Например, очень показателен характер некоторых сокращений молитвенных возгласов. Например, в молитве на облачение крещаемого и в молитве в чине Елеосвящения слова «безначальному Отцу, со Единородным Ти Сыном и со Пресвятым и Благим и Животворящим Ти Духом» сокращены до «Отцу, и Сыну, и Святому Духу». Аналогичным образом сокращены заключительные прошения в четвертой молитве в 40-й день по рождении младенца и в чине Елеосвящения. Характерна замена в первой молитве в 40-й день по рождении младенца, где слова «благодатию и человеколюбием единородного Твоего Сына» заменены на «Единородным Твоим Сыном» [15, л. 105 об., 115–116; 16, л. 119; 17, с. 10–11, 47, 164–165]. Во всех этих случаях никонская редакция заменяет подробное перечисление свойств Божества и Его ипостасей на подчеркивание триединства Бога.

Показательно также незначительное по форме изменение в тексте Часослова, в тексте Великого Славословия (служба Утрени): из обращенных к Св. Троице слов «Господи, Царю Небесный, Боже, Отче Вседержителю, и Господи Сыне Единородный, Иисусе Христе, и Святыи Душе» удален «и». С точки зрения старообрядцев это изменение носило догматический характер, являясь «слиянием Лиц Св. Троицы». Очень характерно в этой связи замечание свящ. Лазаря Романовского по поводу одного из подобных изменений, внесенных реформой в Служебник: «В новых же книгах во всех напечатано хулно зело: Благословим Отца, Сына и Святаго Духа; и инде: Поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога, и иная подобная сему; тако уже и поют богохулно; Отца и Сына сливающе во едино лице (и сие есть Савелиевы гнилости вред), а Святаго Духа раболепно отставляюще...» [19, с. 187].

Все приведенные изменения, несмотря на их немногочисленность, имеют вполне определенную направленность: это подчеркивание единства Св. Троицы и уход от подробного описания свойств каждой из ипостасей. Эти изменения привлекают наше особое внимание, поскольку выявленная нами тенденция с особой силой проявляется в полемике, возникшей вокруг реформы. Обращает на себя центральный пункт полемики ее сторонников и противников: вопрос «сложения перст» в крестном знамении. Как известно, начало реформы было ознаменовано введением так называемого троеперстия. Крестное знамение было, по сути, элементарной и общепонятной формой богословия Св. Троицы, имея, при простой форме, большой и серьезный план содержания: «...вознести на главу – являет ум нерожденный Отец ради Сына, Пре-

вечнаго Бога, прежде век вечных, таже положити на пуп – являет схождение Его к нам и воплощение от Святыя Девы Богоотроковицы... вознести на правое плечо – являет вознесение Христово... и праведных одесную стояние... положити на левое плечо – являет во Второе Пришествие грешных осуждение и вечное мучение» [20, стб. 693]. Понятно поэтому, что любые изменения в области перстосложения вызывают вопросы об их содержательной составляющей.

В данном случае полемисты с реформой указывают, что «никониане» нарушили православную традицию, в соответствии с которой крестные страдания нельзя относить ко всей Св. Троице, а только к человеческой природе Христа. Вот как пишет об этом диакон Федор: «Не подобает отнюдь тремя персты креститься христианам правоверным, понеже бо Крест Христов, а не Троицын. Един бо на Кресте страда Сын Божий, но и то плотию, а не плотию и Божеством... Сего ради к Божеству Святыя Троицы не подобает крестныя страсти прилагать» [21, с. 167]. В приведенных аргументах старообрядческих полемистов обращает на себя то, насколько конкретно и предметно восприятие Христа: два перста, означающие единство Божества и Человечества во Христе в сочетании с жестом – возложением на себя «креста» – говорят о конкретно-историческом событии Распятия с акцентом лично на Христа («крест Христов, а не Троицын»). Такая реакция старообрядцев не отличается от реакции на подобные же текстовые изменения, о которых было сказано выше.

Показательно в этой связи, что старообрядцы одновременно подчеркивают: «на страсти Христове» Крест был восьмиконечным, т. е. имел верхнюю (с надписью «Иисус, царь Иудейский») и нижнюю перекладыны [20, стб. 262–269], поэтому четырехконечный крест (который предписано было изображать на просфорах после реформы) недостаточен для воспоминания о Распятии. Именно восьмиконечная форма Креста связана с Распятием – верхняя короткая «доска» исторически содержала «надписание вины» Христа («Иисус, Царь иудейский»), нижняя перекладина, к которой распятым прибавляли ноги, связана с конкретной казнью.

Аналогичным образом строятся и возражения противников реформы, касающиеся введения реформой троекратного пения «аллилуйя» с добавлением «Слава Тебе, Боже» и аналогичного изменения в произнесении «Господи, помилуй (трижды вместо дважды), Господи благослови». Старообрядцы единодушно считают, что в данном случае «никониане» исповедуют некое «четвертое лице» в Троице. Вот обоснование своей позиции протопопом Аввакумом: «Василий Великий пишет: аллилуйя – ангельская речь. Человечески

речи – Слава Тебе, Боже. Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третью – человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, Слава Тебе, Боже!.. Мерзко Богу четверичное воспевание!» [22, с. 57].

Характерно возражение на этот тезис со стороны реформаторов: в «Деяниях» Соборов 1666 и 1667 гг. подчеркивается, что «аллилуйя» произносится трижды во имя Троицы, а добавление «Слава Тебе, Боже» – символ единства Троицы, «яко един Бог есть, а не три бози» [23, л. 12]. Налицо, таким образом, взаимное непонимание: старообрядцы, идя от конкретности понимания Божества и Его ипостасей, не приемлют подчеркивания единства Бога, как это делают реформаторы.

Еще более рельефно это различие можно увидеть при рассмотрении возражений реформаторов старообрядцам по поводу перстосложения. В тех же «Деяниях» Соборов 1666 и 1667 гг. содержится обоснование правильности троеперстного крестного знамения: по мнению Собора, троеперстие символизирует Троицу [24, л. 25]. Положения постановлений Соборов развиваются в полемических сочинениях сторонников реформы. По их мнению, двоеперстие содержит ересь: Троица в этой форме крестного знамения «неподобна и неравна», более того, старообрядцы «исповедают» и многобожие – два перста символизируют Христа, три же нижних – Троицу, поэтому Христос «отделяется от ипостаси Божества и от Святыя Троицы» [22, л. 35 об.]. Очевидно, что сторонники реформы не только не отрицают того, что к Распятию имеет отношение все Божество Св. Троицы, но и подчеркивают именно мистическое участие всей Троицы в спасении людей.

Наконец, еще одна группа возражений старообрядцам касается формы креста, изображаемого

на просфорах. Одним из ключевых высказываний, проясняющих позицию реформаторов в этом вопросе, является тезис Иверского архимандрита Дионисия: «Крест именуется прямое древо и вопреки» [25, с. 34]. Что же касается других перекладин, важных с точки зрения противников реформы, то их семиотическое значение не видится реформаторам столь большим, каким является значение Креста «вообще», символизирующего не только Распятие Христа, но столь же тесно связанного с событиями Ветхого Завета, спасением людей через жертву Бога. Таким же образом и «троеперстие» как форма перстосложения подчеркивает близость Бога к людям и связь с Крестной жертвой не одного Христа, но всей Св. Троицы.

С учетом же того, что реформаторы стремятся подчеркнуть единство Св. Троицы и в споре о количестве «аллилуйя», система их аргументов предстает достаточно логичной: они сторонники понимания Божества, основанного на осмыслении догмата Троиединства и роли в спасении людей не только Христа, но и всей Св. Троицы. Что же касается старообрядцев, то они, скорее, сосредоточены на свойствах отдельных ипостасей Бога, в частности на роли Христа в спасении людей («крест Христов, а не Троицын»). Таким образом, никоновская литургическая реформа, не вводя, вопреки мнению ее противников, «новой веры», все же затрагивает область теологии и иным образом, нежели до реформы, расставляет акценты в области понимания Тринитарного догмата, важнейшего для христианина: от конкретности и предметности в понимание ипостасей Божества христианину предлагается перейти к осмыслению единства Бога. Последствия этой трансформации нуждаются в дальнейшем исследовании, однако очевидно, что она стала одной из причин церковного раскола.

Список источников и литературы

1. Севастьянова С. К. Завещание-устав патриарха Никона // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 2. С. 138–144.
2. Флоровский Г. В. Восточные отцы IV в. М.: Паломник, 1992. 240 с.
3. Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального монастыря, 1994. Т. 1–2.
4. Поснов М. Э. История Христианской церкви. Киев: «Жизнь с Богом», 1991. 616 с.
5. Карташев А. В. Вселенские Соборы. М.: Республика, 1994. 542 с.
6. Карсавин Л. П. Святые отцы и учителя церкви (раскрытие православия в их творениях). М.: Изд-во МГУ, 1994. 176 с.
7. Матеос Х. История литургии свт. Иоанна Златоуста. Т. 1. Служение Слова в византийской литургии: Исторический очерк / пер. с франц. С. Голованова. Омск: Издатель С. Голованов, 2010. 352 с.
8. Тафт Р. Ф. История литургии свт. Иоанна Златоуста. Т. 2. Великий вход: История перенесения даров и других преданафоральных чинов / пер. с англ. С. Голованова. Омск: Издатель С. Голованов, 2010. 464 с.
9. Повесть временных лет / подг. текста, перев., вступит. ст. и коммент. Д. С. Лихачёва. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. 668 с.
10. Данилевский И. Н. Повесть временных лет : герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 382 с.
11. Собрание короткой науки о артикулах веры. М.: Печ. двор., 1646. РГБ МК Кир. 8°50-7568849. 106 л.
12. Крылов Георгий (протоиерей). Книжная справа XVII века: Богослужбные Минеи. М.: Индрик, 2009. 496 с.

13. Крылов Георгий (протоиерей). Книжная справа Типикона в XVII веке. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/592807.html>
14. Сазонова Н. И. У истоков раскола Русской церкви в XVII веке: исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (на материалах Требника и Часослова). Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 296 с.
15. Требник. Москва, Печ. двор, 26.IX.1651. РГАДА СПК 3518. 688 л.
16. Требник. Москва, Печ. двор, 29.VII.1639. БАН № 195 СП. 668 л.
17. Требник. Москва, Печ. двор, 10.XII.1658. РГБ МК Кир. 2 50-7491590. 1030 С.
18. Суздальского соборного попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) царю Алексею Михайловичу челобитная на книгу Скрижаль и на новоисправленные церковные книги // Мат-лы для истории раскола за первое время его существования. М., 1878. Т. 4. С. 1–178.
19. Романо-борисоглебского попа Лазаря роспись вкратце церковным раздорам, их же собора Никон патриарх со Арсением чернцем от разных вер / Лазарь // Материалы для истории раскола за первое время его существования. М.: Б. и., 1878. Т. 4. С. 179–205.
20. Аввакум. Книга обличений, или Евангелие вечное // Памятники истории старообрядчества. М.–Л.: Б. и., 1927.
21. Федор, диакон. Послание из Пустозерска к сыну Максиму / Федор Иванов // Материалы для истории раскола за первое время его существования. М.: Б. м. и г. Т. 6. С. 90–261.
22. Аввакум. Житие. М.: Мысль, 1960. 420 с.
23. Деяния Московского Собора 1666 г. О разных церковных исправлениях. М.: Б. и., 1881. 48 л.
24. Игнатий, митр. Сибирский и Тобольский. Послания. Казань: Тип. Губернского правления, 1857. 172 с.
25. Полемическое сочинение Иверского архимандрита Дионисия // Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1913. Т. 2. Приложение. С. XIV–LX.

Сазонова Н. И., профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: nataly-sib@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.06.2012.

N. I. Sazonova

**THE LITURGICAL REFORM OF PATRIARCH NIKON (1654–1666): THE THEOLOGICAL ASPECT
(DATA: NIKON'S CORRECTION OF THE TREBNIK AND THE HOROLOGION)**

The article considers the liturgical reforms of Patriarch Nikon in the theological aspect. The peculiarities of the impact of the liturgical text on the person and formation by the text of the fundamental religious beliefs, connected with the concept of deity.

Key words: *Orthodoxy, liturgical reforms of Patriarch Nikon, the liturgical texts, theology.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nataly-sib@mail.ru